

Движение в защиту Бродского и международная известность

Решительное поведение трех свидетелей защиты на суде, взволнованный интерес городской интеллигенции к процессу и солидарность с подсудимым явились неожиданностью для устроителей судилища. После первого заседания 18 февраля, «когда все вышли из зала суда, то в коридорах и на лестницах увидели огромное количество людей, особенно молодежи». Судья Савельева удивилась: «Сколько народу! Я не думала, что соберется столько народу!»²¹² Партийные функционеры, которые планировали показательный суд, и их гэбистские консультанты, привыкшие со сталинских времен к тому, что запуганные люди покорно или, по крайней мере, молчаливо воспринимают устрашительные акции режима, не учли, что за десять послесталинских лет подросло поколение, не травмированное опытом массового террора, что молодежь будет действовать солидарно с теми из старшего поколения интеллигенции, кому, несмотря на этот опыт, удалось сохранить личное

209 Якимчук 1990 С. 23.

210 Гордин 2000 С. 187.

211 Цитируется в Шнейдерман 1989. С. 185.

212 Гордин 2000 С. 183.

достоинство, что вместе они будут бороться за свободу мысли и самовыражения. Не заботясь о соблюдении юридических приличий, сознательно планируя свое показательное-карательное мероприятие как символическое, устроители процесса не учли и того, что тогда и отклик на него будет как на символический акт произвола. На удивленное восклицание судьи относительно большого скопления публики из толпы ответили: «Не каждый день судят поэта!»

По мере того как расходились круги по воде общественного мнения, двадцатитрехлетний Иосиф Бродский, автор таких-то и таких-то стихотворений, превращался в архетипического Поэта, которого судит «чернь тупая». Первоначально защиту Бродского организовали люди, лично его знавшие, любившие его, переживающие за его судьбу: Ахматова и более близкие Бродскому по возрасту друзья М. В. Ардов, Б. Б. Бахтин, Я. А. Гордин, И. М. Ефимов, Б. И. Иванов, А. Г. Найман, Е. Б. Рейн и другие, а также те старшие знакомые среди ленинградских писателей и филологов, которые ценили его дарование, в первую очередь выступавшие на суде Грудинина и Эткинд. Вслед за ними в дело защиты уже не столько Бродского как такового, но Поэта и принципов справедливости стало вовлекаться все возрастающее число людей в Москве и Ленинграде. В противовес официальной началась подлинно общественная кампания. Центральными фигурами в ней были две женщины героического характера – преданный друг Ахматовой писательница Лидия Корнеевна Чуковская (1907–1996) и близкая подруга Чуковской журналистка Фрида Абрамовна Вигдорова (1915–1965). Это они неумоимо писали письма в защиту Бродского во все партийные и судебные инстанции и привлекали к делу защиты Бродского людей, пользующихся влиянием в советской системе – композитора Д. Д. Шостаковича и писателей С. Я. Маршака, К. И. Чуковского, К. Г. Паустовского, А. Т. Твардовского, Ю. П. Германа, даже осторожного К. А. Федина и весьма официозного, но готового помочь из уважения к Ахматовой А. А. Суркова. Даже в ЦК партии они нашли скрытого, но ценного союзника – заведующего сектором литературы И. С. Черноуцана (1918–1990)²¹³.

Запись суда над Бродским, сделанная Вигдоровой, несмотря на угрозы судьи, стала документом огромного значения не только в судьбе Бродского, но и в новейшей политической истории России. За несколько месяцев она распространилась в самиздате, оказалась за рубежом и стала цитироваться в западной прессе. Если до этого имя Бродского на Западе было почти никому неизвестно, то к концу 1964 года, в особенности после того, как во Франции «Figaro Litteraire», а в Англии «Encounter», напечатали полные переводы вигдоровской записи. Романтическая история поэта, над которым чинят расправу злобные, тупые бюрократы, уже вовсе очищенная от подробностей скудного советского быта и местного политиканства, потрясла воображение западной интеллигенции. Для тех, кто знал цену тоталитаризму, суд над Бродским стал еще одним после травли Пастернака подтверждением, что свобода слова в советской России при Хрущеве так же невозможна, как при Сталине, а для многих людей левых убеждений – окончательным крахом доверия к советской разновидности социализма. Французский поэт Шарль Добжински (р. 1929) в октябре 1964 года напечатал в коммунистическом журнале «Action poetique» целую поэму «Открытое письмо советскому судье». Эта гневная филиппика («В то время, как спутники летят к планетам [sic], / В Ленинграде выносят приговор поэту!»²¹⁴ и т. п.) заканчивалась так:

И во имя поэзии, и во имя правосудия,
Без которых социализм остается мертвой буквой,
Я даю вам отвод, товарищ судья!²¹⁵

213 Борьба за Бродского детально отражена в дневниках Чуковской (Чуковская 1997).

214 *Boulanger P.* «Action poetique» de 1950 a aujourd'hui. Paris: Flammarion, 1998. P. 199.

215 См. полный перевод и вступительную статью Е. Г. Эткинды в журнале «Нева» (1990. № 3).

Крупнейший американский поэт Джон Берримен (1914–1978) в стихотворении «Переводчик» писал:

...многие поэты трудились столь тяжко за
столь малую плату,
но их не судили за это [...],
как этого молодого человека,
который только и хотел, что ходить
вдоль каналов,
говоря о поэзии и делая ее²¹⁶.

В Англии радиоинсценировку процесса Бродского транслировали в программе Би-би-си.

Иногда говорят, что всемирной славой Бродский обязан не своим стихам, а своему процессу. Это верно в том смысле, что мгновенная известность в век mass media открыла ему доступ к всемирной аудитории. Однако в сходном положении бывали и другие русские литераторы как до, так и после Бродского, но, за исключением Солженицына, только творчество Бродского оказалось соразмерным открывшейся возможности²¹⁷. Значение происшедшего в 1964 году для дальнейшей судьбы ее молодого друга раньше всех поняла Ахматова: «Какую биографию, однако, делают нашему рыжему!»²¹⁸ Шутка Ахматовой основана на расхожей цитате из «Записок поэта» Ильи Сельвинского: «В далеком углу сосредоточенно кого-то били. / Я побледнел: оказывается, так надо – / Поэту Есенину делают биографию».

Юноша с головой в облаках из стихотворения Берримена возникал и в других литературных произведениях. Бродский был прозрачным прототипом Глеба Голованова, невинно обвиненного в тунеядстве чудака-поэта, одного из главных героев романа Георгия Березко «Необыкновенные москвичи». Цензоры, судя по всему, не ожидали подвоха от солидного советского прозаика, и роман появился в журнале «Москва» в 1967 году (№ 6 и 7) и в том же году вышел отдельной книгой. В 1981 году в Лондоне вышел роман Феликса Розинера «Некто Финкельмайер», где история главного героя так же прозрачно отражала фабулу дела Бродского. Как и в процитированных выше записках И. М. Меттера («...лицо его выражало порой растерянность оттого, что его никак не могут понять, а он в свою очередь тоже не в силах уразуметь эту странную женщину, ее безмотивную злобность; он не в силах объяснить ей даже самые простые, по его мнению, понятия»), в этих литературных, а также журналистских и устных текстах тиражировался образ поэта не от мира сего.

Герой коллективно сложенного мифа был весьма далек от реального Иосифа Бродского, который к двадцати трем годам уже многое повидал, пережил и продумал²¹⁹. Дело было не в том, что Бродский «не понимал», что с ним происходит, а в том, что он глубоко понимал

216 *Berryman J. The Dream Songs. London-Boston: Faber and Faber, 1969. P. 199.*

217 До Бродского на Западе пресса много писала о преследовании в Советском Союзе писателя В. Гарсиса, а вскоре после процесса Бродского о А. Синявском и Ю. Даниэле. Потом настала очередь А. Зиновьева и некоторых других, однако их литературный успех был кратковременным. Прочно вошли в мировую культуру из русских писателей второй половины двадцатого века только Солженицын и Бродский, причем оба еще до получения Нобелевской премии.

218 См. *Чайковская 2001.*

219 От этих ранних проекций образа Бродского в художественную литературу решительно отличается поэт Чиграшов в романе Сергея Гандлевского «<нрзб>» (2002). У Чиграшова есть и другие реальные прототипы, но автор придает ему некоторые характерные черты и элементы биографии Бродского, а так же парафразирует, как стихи Чиграшова, заключительный сонет Марии Стюарт и «Я был только тем, чего...».

жестокую абсурдность происходящего, с точки зрения здравого смысла, и в то же время неизбежность своего конфликта с государством, несмотря на то, что он, как и настаивали его защитники, никаких антигосударственных стихов не писал. Государственный строй его страны основывался на идеологии и, таким образом, был ближе к тоталитарной утопии Платона, чем к прагматическому Левиафану Гоббса. Есть широкоизвестный пассаж в Десятой книге «Государства» Платона о том, что поэты как смущающие общественный порядок безумцы должны изгоняться из идеального государства: «[Поэт] пробуждает, питает и укрепляет худшую сторону души и губит ее разумное начало; <...> он внедряет в душу каждого человека в отдельности плохой государственный строй, потакая неразумному началу души...»²²⁰ В 1976 году Бродский напишет «Развивая Платона», стихотворение, где вспоминается, как толпа, «беснуясь вокруг, кричала, / тыча в меня натруженными указательными: „Не наш!“». Среди записей Вигдоровой есть и записи разговоров в зале суда во время перерыва: «Писатели! Вывести бы их всех!.. Интеллигенты! Навязались на нашу шею!.. Я тоже заведу подстрочник и стану стихи переводить!..»²²¹

Бродский был глубоко признателен Фриде Вигдоровой за героические усилия по его спасению. Фотография Вигдоровой многие годы висела над его письменным столом, сначала в России, потом в Америке. Через год после процесса Вигдорова умерла от рака. Безвременная смерть замечательной женщины, спасавшей реального Бродского, сделала еще более драматичной легенду об условно-поэтическом Бродском, для которого она как бы пожертвовала жизнью.